

очага... Направо—вытянулся стрѣлой большой трактъ... Дорога змѣилась, убѣгая въ невѣдомую даль... Не мало уже Софронъ наглотался шоссейной пыли и поранилъ о камни ноги... Знакомый лѣсъ и родная изба неудержимо манили къ себѣ... Но овладѣвшее старикомъ смущеніе словно сковало его члены...

Время проходило, а онъ не двигался съ мѣста. Только по лицу его пробѣгали тѣни, да лобъ страдальчески хмурился... Изъ груди вырывались глубокіе вздохи... Искушеніе было очень сильно... Но Колунову снова припомнились слова странника. Наконецъ, онъ выпрямился и тряхнулъ головою, словно отмахнулся отъ чего-то.. Большой борьбы стоило старику превозмочь себя.. Но во взглядѣ его блеснула рѣшимость.

Онъ круто повернулъ вправо и зашагалъ по направленію шоссе.. Черезъ нѣсколько минутъ старикъ достигъ шоссе и оно приняло его въ свои пыльные объятія... Софронъ съ тоской посмотрѣлъ на безконечную ленту дороги, которая приведетъ его къ могилѣ... Сердце его съ болью сжалось въ груди...

Анна Догановичъ.

Десѣхій вечеръ.

Надъ безплодною равниной
Мгла вечерняя лежитъ,
И сырой, холодный вѣтеръ
Желтой травкой шелеститъ.

На горѣ стоитъ осина,
Какъ безсмѣнный часовой,
И слѣдитъ за сѣрой тучей,
За дорогой столбовой.

За листомъ листокъ слетаетъ,
И летящему во слѣдъ
Братъ лепетомъ немолчнымъ
Шлютъ послѣдній свой привѣтъ.

Тусклы, холодны, безстрастны,
Словны очи мертвеца,
Надъ землею нависли тучи
Безъ просвѣта, безъ конца.

Н. Иваницкій.